

Дом Минов...

Когда в небесном экране раздался голос, читающий письмо, у Мин Чжэня внезапно заняло сердце. Он тихо спросил:

— Фэн Юань, тебе не показалось, что этот голос знаком?

Фэн Юань, хоть и не понимал, зачем господин задаёт такой вопрос, всё же внимательно припомнил — и покачал головой:

— Господин, такого голоса раньше не было. С тех пор как появился небесный экран, это первый раз.

Он обеспокоенно посмотрел на своего молодого господина:

— Вы что-то заподозрили?

— Ничего, — ответил Мин Чжэнь, опустив глаза и подавив странное, почти бредовое ощущение. На миг ему почудилось, будто это голос А Чжао... но не совсем его. Однако... как это возможно?

Даже сообщение экрана о том, что письма приходят раз в три дня, вызывало сомнения: как один-единственный почтовый голубь может успевать туда и обратно? Подумав об этом, он про себя решил: «Видимо, придётся завести больше голубей».

Но когда небесный экран произнёс то, что случилось с ним самим... он сначала замер, а затем резко очнулся и устремил взгляд в сторону дворца.

«Что теперь будет с моим А Чжао?»

В душе он отчаянно надеялся, что, как в случае с Панем Инем или Мэй Фэннянем, все эти слухи о чувствах — лишь выдумка небесного экрана.

Он не смел думать дальше. Лучше всего, если А Чжао так и не проснётся к любви — тогда он просто потеряет важного... друга. Но если проснётся? Что станет с таким добрым, таким прекрасным А Чжао?

Он резко поднялся:

— Фэн Юань, пусть на кухне приготовят сладкий напиток, который любит наследный принц. И добавь ещё угля в подпольные печи тёплого павильона.

Фэн Юань всё ещё был в шоке, но господин уже быстрым шагом направлялся к выходу.

— Господин! Куда вы?!

— Ждать наследного принца у ворот.

Эти слова прозвучали за его спиной — и в них была такая редкая для него поспешность, что Фэн Юань остался стоять, как вкопанный.

За воротами дворца дул ледяной ветер.

— Ваше высочество! — Фу Гуй услышал от небесного экрана, что господин Мин ещё не вернулся, и сразу забеспокоился за Ли Чжао. Но едва он обернулся — как увидел, что его повелитель уже мчится мимо.

— Быстрее! Разверните карету и следуйте за ним!

Он торопливо скомандовал вознице и сам побежал вслед:

— Ваше высочество, подождите! У нас же есть карета!

Догнав Ли Чжао, тяжело дышащего от бега, Фу Гуй встретился взглядом с его остекленевшими глазами — и на миг потерял дар речи. В итоге выдал лишь сухое увещание:

— Я понимаю, вы волнуетесь... Но успокойтесь, господин Мин наверняка уже дома и в полной безопасности. На улице такой холод! Если вы так пойдёте, он точно рассердится — ведь вы не заботитесь о своём здоровье!

Ли Чжао даже не помнил, как оказался в карете. Очутившись в себе, он уже был укрыт густой лисьей шубой, а в руки ему вложили грелку.

Фу Гуй тем временем объяснял вознице, чтобы тот ехал как можно быстрее: сейчас самое оживлённое время на улицах.

И тут небесный экран снова заговорил о Мин Чжэне. Ли Чжао резко распахнул окно кареты. Холодный ветер, несущий редкие снежинки, хлестнул ему в лицо — но он не обращал внимания, боясь пропустить хоть слово.

[В двенадцатом месяце девятого года Тяньци долгожданная встреча Святого Предка так и не

состоялась. Вместо этого он получил окровавленного почтового голубя. Письмо было чистым — на нём лишь четыре иероглифа: «А Чжао, будь счастлив».]

Карета медленно продвигалась по улице. Тепло от грелки в салоне не могло растопить ледяной холод, охвативший всё тело Ли Чжао. Он невольно сжал пальцы — мягкий мех шубы глубоко врезался в ладонь.

Сердце сжимало так сильно, что он почти физически представил, как белоснежный голубь, истекая кровью, преодолевал расстояние сквозь ужас и смерть, чтобы упасть на его стол... с окровавленными крыльями, но с безупречно чистым посланием.

Даже в последний миг тот оставил ему лишь чистое благословение. Эти четыре простых слова, казалось, стоили ему последнего вздоха.

[Получив письмо, Святой Предок тут же разбил в руках чайную чашу и, не слушая советников, лично повёл три тысячи гвардейцев прочёсывать дороги в поисках исчезнувшего.

В двадцати ли от столицы они нашли лишь хаос: сломанное оружие, засохшую кровь, перевёрнутую повозку... но ни единого звука от того, кто обещал вернуться.

Охваченный горем, Святой Предок настоял на том, чтобы доставить канцлера Мин во дворец. Все императорские врачи были срочно вызваны в спальню.]

На экране возникла картина ночного дворца. В освещённой свечами спальне чёрноодетый правитель, черты лица которого невозможно было различить, крепко сжимал бледную руку.

[В комнате смешались запахи лекарств и крови. Но даже собравшиеся лучшие целители Поднебесной оказались бессильны.

Святой Предок упрямо твердил, что чувствует слабый пульс. Врачи, дрожа, стояли на коленях перед тронном — кто осмелится сказать, что это лишь галлюцинация, рождённая горем?

Все знали: в такие моменты Святой Предок крайне эмоционален. А должность императорского врача — одна из самых опасных. Достаточно одного неосторожного слова — и «лечите его! Не вылечите — отрублю вам головы!»

(Шутка, конечно: Святой Предок не был склонен к бессмысленным казням.)

Так продолжалось целые сутки. Свечной жир наполнил бронзовые подсвечники. Только после того как сама императрица-мать лично вмешалась, Святой Предок наконец принял реальность. Он осторожно разжал пальцы, аккуратно поправил одеяло на том, кто лежал без движения, будто боясь разбудить его от прекрасного сна.

На следующее утро снег покрыл дворцовые ступени. Святой Предок лично отправился в дом Минов, чтобы сообщить скорбную весть. Затем он отменил аудиенции на несколько дней, сам занимался похоронами и в конце концов приказал похоронить канцлера Мин с церемонией, положенной только императору и императрице, — прямо в своей собственной гробнице.

Если сопоставить даты, становится ясно: всё это произошло незадолго до дня рождения Святого Предка. Канцлер Мин как раз завершал инспекцию и, вероятно, мчался обратно во весь опор... Но судьба распорядилась иначе. Так погиб величайший канцлер эпохи.]

Ли Чжао резко закрыл глаза. Шум улиц за окном кареты словно ушёл под воду. Осталось только тяжёлое биение сердца в груди.

«Знатные роды... все они должны умереть!»

Небесный экран вдруг переключился: вместо скорби — яркие персиковые цветы, а ведущая, нарочито всхлипывая, заговорила:

[Уууу, девочки, почувствуйте! Даже «стеклянная» любовь — всё равно любовь! Ведь канцлера похоронили с церемонией императрицы, да ещё и в общей гробнице! Разве это не официальное признание? Это же абсолютное подтверждение самой прекрасной любви! Моя пара — обязательно настоящая!]

Но в следующий миг картинка резко потемнела. По экрану поползли кровавые узоры. На фоне метели и вьюги — эшафот: звон цепей, крики обречённых.

[А те безумные роды, что решили, будто убийством канцлера можно остановить реформы? Они быстро узнали, что значит «гнев императора».

Святой Предок, расследуя дело, словно превратился в другого человека. Ему уже не было терпения возиться со знатью. Его позиция стала предельно ясной: «Мне больше нет дела до правды и вины»[1].

В ту же ночь охрана в алых одеждах (Цзинь Вэй) провела облавы на все знатные семьи, перевернув Пекин вверх дном. Тюрьмы министерства наказаний переполнились.

Реформа не только не остановилась — она превратилась в кровавую расправу. Цзинь Вэй выступили: кто противится — казнить. Говорят, в те месяцы кровь на эшафоте впитывалась в щели между камнями и не отмывалась даже к весне.

Вся незаконно приобретённая земля была конфискована. Роды, причастные к убийству, стёрли с лица земли: семейства сослали в разные края, родословные сожгли, детей переименовали.]

В карете Ли Чжао резко открыл глаза — они были красны от бессонницы и ярости.

«Так и должно быть!»

Он беззвучно шевельнул губами, впиваясь пальцами в раму окна.

«Какой же я беспомощный в будущем...»

[Святой Предок доказал на деле: убьёте мою пару — и ваш род не оставит после себя даже имени в летописях. За такое возмездие — ставлю десять из десяти!]

В то время как небесный экран радостно ликовал, старые чиновники из знати крепко сжимали свои нефритовые таблички. Экран показал им дорогу в пропасть.

Ссылка родных в разные земли, уничтожение родословных, перемена имён у детей — это значило полностью опрокинуть корабль знати. Через три поколения никто уже не вспомнит былой славы их рода.

А железная, кровавая решимость нового правителя внушала ужас. Теперь они не только навлекли на себя гнев нынешнего императора, но и окончательно разозлили будущего — и весь род Мин. Как им теперь выйти из этой ловушки?

Один из молодых наследников знатного рода даже лишился чувств на месте. Вспомнились его двухмесячные близнецы, на шеях которых звенели амулеты долголетия с древним гербом рода, передававшимся веками.

Чиновники из незнатных семей с трудом сдерживали улыбки, хотя радость в их глазах была очевидна. Один из цензоров незаметно наступил ногой на бусины чётки, выпавшие из рук старейшины одного из родов.

Карета замедлила ход. Колёса глухо скрипели по снегу.

Ли Чжао не стал дожидаться полной остановки — он распахнул дверцу. Ледяной ветер с крупными хлопьями снега ударил в лицо. Когда именно началась эта метель? За окном уже падал снег густыми, пушистыми пластами.

Он оцепенело смотрел на тонкую фигуру у ворот дома Минов. Тот стоял под простым бумажным зонтом, слегка наклонив его в сторону.

Снег был таким плотным, что, казалось, вот-вот поглотит эту фигуру в зелёной одежде, растворит её в белом пространстве между небом и землёй. Ли Чжао уже почти не мог разглядеть черты лица.

Снежинки падали между их взглядами. В этот миг пророчество о расставании и смерти столкнулось с теплом, которое можно было почти потрогать.

Мин Чжэнь сделал шаг вперёд, чуть приподнял край зонта, открывая лицо, освещённое снежным светом — ещё более изысканное и чистое, чем обычно. Он протянул руку в сторону кареты:

— А Чжао, иди сюда. Снег усиливается.

Ли Чжао пошатнулся, ступая в снег. Подол лисьей шубы оставил за ним беспорядочные следы. В полушаге от края зонта он вдруг остановился. Его горло дрогнуло:

— Я думал... у нас будет так много будущего...

Примечание автора:

[1] Цитата из мультсериала «Хун Мао и Лань Ту: Семь героев» — помните такой?

Еще раз спасибо всем за тёплые пожелания! Сердце греет.

<http://bllate.org/book/17167/1607623>